

Рефераты по психіатріи, невропатологіи и фізіологіи.

Laicnwelt und Geisteskranke.—Von Max Fischer, Dr. med., Oberarzt in Illenau. Stuttgart. 1903. p. 177. P. M. 4,80.

Взаимныя отношенія между публикой и врачами-психіатрами настолько заставляють желать лучшаго, что, не преувеличивая, можно сказать, что врядь ли другая какая-либо отрасль медицины встрѣчаетъ такое недовѣріе со стороны публики, какъ психіатрія. Причину этого отчасти слѣдуетъ искать въ сравнительно менѣе благопріятныхъ терапевтическихъ результатахъ леченія душевныхъ болѣзней, частью въ той мрачной удручающей обстановкѣ, въ которую попадаютъ наши больные. Авторъ разбираемой книги задался цѣлью пролить свѣтъ на отношенія, существующія между публикой и психіатрами, равно и выяснить взглядъ нашего общества, на дѣло лѣченія больныхъ и ухода за ними. Предварительно авторъ вкратцѣ знакомитъ читателя съ историческимъ обзоромъ развитія психіатріи и методовъ леченія душевно-больныхъ, послѣ чего переходитъ непосредственно къ взглядамъ общества на психіатровъ и лечебницы, находящіяся въ ихъ вѣдѣніи. Къ знакомству съ пріютами для душевно-больныхъ общество не обнаруживаетъ никакого интереса, всякій бѣжитъ отъ стѣнъ лечебницъ, не желая имѣть ни малѣйшаго соприкосновенія съ этаго рода учрежденіями. Это однако не препятствуетъ измышлять всякія небылицы по адресу и распространять ихъ среди довѣрчивой и падкой до всякихъ ужасовъ публики.

Не подлежитъ сомнѣнію, что двери лечебницъ должны быть открыты для всѣхъ желающихъ, для того, чтобы басно-

словныя легенды мало по малу ушли въ область преданій, чтобы публика убѣждалась, что гуманность, а не другой принципъ царитъ въ психіатрическихъ больницахъ, что, вопреки общему мнѣнію, врачи и надзирающій за больными персоналъ не обращаются съ ними грубо, потерявъ всякое чувство сожалѣнія къ несчастнымъ. Нужно сознаться, что подчасъ и пресса присоединяется къ нападкамъ на врачей, прислушиваясь къ жалобамъ параноиковъ, резонирующихъ помѣшанныхъ, одержимыхъ бредомъ преслѣдованія и наволняющихъ своими письмами и прошеніями портфели редакторовъ, судей и даже министровъ. Наибольше значительный контингентъ недовольныхъ составляютъ дегенеранты.

Отношеніе публики къ самимъ пациентамъ можно считать больнымъ мѣстомъ нашего общества и въ этомъ отношеніи послѣднее отстало значительно больше, чѣмъ психіатрія двинулась впередъ. Публика не умѣетъ обращаться съ душевно-больными и бесѣдовать съ ними; всѣ боятся и избѣгаютъ больныхъ, они наводятъ на окружающихъ панической страхъ. Въ то время какъ бредъ тифозныхъ или горячечныхъ, при *delirium tremens* вызываетъ общее сожалѣніе и желаніе оказать посильную помощь, бредъ преслѣдованія параноика возбуждаетъ недоумѣнія и страхъ. На душевно-больного смотрятъ, какъ на бесполезнаго члена общества, котораго слѣдуетъ какъ можно скорѣе отнять отъ него. Такой взглядъ господствуетъ какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ кругахъ. Далѣе авторъ знакомитъ насъ съ отношеніемъ публики къ больнымъ до начала развитія болѣзни, т. е. до помѣщенія въ спеціальное заведеніе. Перемену въ поведеніи и психикѣ члена семьи послѣдняя объясняетъ какъ слѣдствіе разныхъ внѣшнихъ вліяній, неудачъ, каприза и т. п. Больному либо во всемъ противорѣчатъ—либо уступаютъ. Появляются на сцену запугиванія, угрозы, брань и даже насиліе. Въ состоятельныхъ семьяхъ по собственной инициативѣ старшихъ рекомендуютъ больному „разсѣяться“, т. е. совершить путешествіе по морю, посѣщать театры, музеи, концерты etc. Но оказывается, что, вопреки ожиданіямъ, всѣ эти мѣры только принесли вредъ чувствительной и переутомленной душѣ больнаго и усилили страданіе. Подчасъ ищутъ спасенія въ бракѣ, иногда прибѣгаютъ къ гидропатіи, гипнозу, заговорамъ, знахарямъ и пр. Словомъ, дѣлаютъ все, только не обращаются къ врачу-психіатру. Наконецъ собирается фа-

мильный совѣтъ, на которомъ предстоитъ рѣшить вопросъ, созрѣлъ ли данный больной для помѣщенія въ психіатрическую лечебницу или же его состояніе только временное и можно надѣяться на выздоровленіе. Въ самыхъ крайнихъ случаяхъ поднимается вопросъ о спеціальному заведеніи, ибо „психіатры“ и „психіатрическія учрежденія“ наводятъ ужасъ: психіаторовъ надо избѣгать, они управляютъ мѣстами пытокъ“, тѣмъ болѣе, что помѣщеніе больного въ психіатрическую лечебницу ложится какъ-бы пятномъ на всю семью, которая часто готова считать болѣзнь родственника наказаніемъ Божиимъ за грѣхи или дурную жизнь.

Замѣчательно, что весьма часто посторонніе правильнѣе могутъ судить о характерѣ расстройства душевно-больного, нежели родные послѣдняго.

Нерѣдко помѣщеніе психически-больныхъ въ лечебницы тормозится вслѣдствіе финансовыхъ соображеній. Всѣ эти обстоятельства создаютъ нежелательное, даже опасное—положеніе дѣла прирѣшнія душевно-больныхъ. И только когда больной начинаетъ буйствовать, его помѣщаютъ въ спеціальное заведеніе, при этомъ доставляютъ связаннымъ по рукамъ и ногамъ, со слѣдами ушибовъ, и пораненій; часто для облегченія транспортированія больныхъ прибѣгаютъ къ алкоголю, обманываютъ ихъ, сулятъ показать имъ музей, театръ или другое развлеченіе. Особую главу авторъ посвящаетъ взглядамъ публики на лечебницы и прирѣшваемымъ въ нихъ. Помѣстивъ больного въ пріютъ, родственники начинаютъ давать наставленія врачамъ, какъ лечить и какъ обращаться съ пациентомъ, при этомъ настойчиво выпытываютъ, какое помѣщеніе предоставлено больному, какой онъ пользуется пищей и т. п.; насъ просятъ обращаться съ „несчастливымъ“ гуманно, мягко сердечно, не наказывать его.

Многіе наоборотъ просятъ строже обходиться съ вѣрнымъ намъ больнымъ, котораго считаютъ скорѣе испорченнымъ человѣкомъ. Всякое ухудшеніе въ положеніи больного ставится въ вину больницѣ и ея персоналу; намъ часто заявляютъ неудовольствіе по поводу того, что на пациента вредно дѣйствуетъ окружающая обстановка и больные, въ то время какъ именно окружающая обстановка и пребываніе среди больныхъ приносили ему пользу. Больной обращаетъ вниманіе на то, что пациенты съ которыми онъ находится вмѣстѣ, поправляются, и это придаетъ ему надежду и бодрость.

Не малымъ зломъ должно считать желаніе родственниковъ посѣщать возможно чаще больного. Помимо желанія убѣдиться, какъ пристроенъ больной они полагаютъ, что свиданіе благоприятно подѣйствуетъ на его психику. Дѣйствительно, иногда эти посѣщенія полезны, но чаще всего они разстраиваютъ больныхъ. Запрещеніе свиданій вооружаетъ родныхъ противъ врача. По полученіи пропуску посѣтители начинаютъ все контролировать и самымъ подробнымъ образомъ вывѣдываютъ у прислуги все относящееся къ больному. Жалобы на побои, грубое обращеніе и т. п., возмущаютъ родственниковъ, и они открыто общаются жаловаться администраціи по поводу безчеловѣчнаго отношенія къ несчастнымъ больнымъ.

Письма родственниковъ къ душевно-больнымъ изображаютъ описаніе такихъ фактовъ и событій, которые вызываютъ возбужденіе ихъ.

Не малымъ зломъ является стремленіе родныхъ основанное на финансовыхъ соображеніяхъ выписать больного при малѣйшемъ улучшеніи въ его состояніе. Съ другой стороны, когда больной переходитъ въ кадры хрониковъ, находится въ лечебницѣ, всякій интересъ къ нему, всякое вниманіе со стороны близкихъ пропадаетъ.

По выходѣ больного изъ лечебницы домашніе принимаютъ его недоувѣрчиво, со страхомъ. „Semper aliquid haeret“! Въ рѣчи, поступкахъ и поведеніи больного ищутъ чего-то особеннаго, отмѣчающаго его отъ нормальныхъ людей. Его считаютъ какъ бы запятаннымъ и невольно даютъ ему это понять; при малѣйшемъ съ его стороны противорѣчіи реконвалесценту напоминаютъ о возможности вторичнаго поступленія въ больницу; окончательно оправившійся можетъ противостоять и часто выходитъ побѣдителемъ изъ борьбы, но тѣ „пасынки общества“, которые только временно оправились, не могутъ дольше держаться, не встрѣчая того ухода и ласки, которые имъ необходимы. Неизлечимыхъ, но спокойныхъ больныхъ семья отказывается брать на свое попеченіе какъ ненужный балластъ; она милостиво ввѣряетъ его попеченію больницы.

Въ заключеніе авторъ высказывается за самое широкое распространеніе союзовъ для оказанія помощи душевно-больнымъ.

Работа dr. Fischer'a читается съ интересомъ; она пригодна какъ для психіатра, такъ и для публики

Л. Айзенвальдъ.